

UDC 130.3

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_1_16_19

ДЭВИД ЮМ

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ*

***Аннотация:** В этом очерке Юма, входящем в состав его книги «Опыты моральные, политические и литературные», рассматривается польза изучения истории для развития человеческого воображения, научного познания и укрепления добродетели. Публикуется новый перевод очерка (см. прим. 1).*

***Abstract:** This essay by D. Hume included into his “Essays Moral, Political and Literary” deals with advantages of studying history for advancement of human imagination, for development of scientific understanding and for strengthening human virtues. New translation of the essay is offered.*

***Ключевые слова:** изучение истории, наука, добродетель.*

***Keywords:** study of history, science, virtue.*

Нет ничего, что с большим чистосердечием рекомендовал бы я своим читательницам, чем изучение истории. Занятие это среди прочих наиболее приспособлено к их полу и воспитанию, гораздо более поучительно, чем их обычные занимательные книжки, и куда увлекательнее, чем те серьезные сочинения, которые обычно хранятся в их кабинетах. В ряду прочих важных истин, которые могут почерпнуть они из истории, они могут узнать о двух мелочах, знание которых может внести весомую лепту в их покой и сон: что люди нашего пола, также как и их, далеко не столь совершенные существа, какими они их склонны воображать, и что Любовь – не единственная страсть, правящая мужским миром, но часто уступает место алчности, честолюбию, тщеславию и тысяче других страстей.

Ложные ли изображения мужчин таятся в этих двух сведениях, делающих столь любезными прекрасному полу романы и романтические сочинения, я не знаю; но, должен признаться, мне жалко видеть, как много в женщинах отвращения к фактам и тяги к обману. Помню, одна юная красотка, к которой я питал некоторую страсть, пожелала однажды, чтобы я прислал ей в деревню для забавы каких-нибудь романов и романтических повестей; однако я не был настолько невеликодушен, чтобы воспользоваться выгодами, которые мог дать мне подобный курс чтения, и не решился применить против нее отравленное оружие. Посему я отправил ей «Жизнеописания» Плутарха, заверив одновременно, что в них

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of the Study of History // Hume D. Essays Moral, Political and Literary. L.: Grant Richards, 1904. P. 558-562. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

от начала до конца нет ни одного слова истины. Она штудировала их очень внимательно, пока не дошла до жизнеописаний Александра и Цезаря, чьи имена ей где-то случайно довелось услышать, после чего вернула книгу обратно, всячески упрекая меня в том, что я ее обманул.

Мне могут, правда, возразить, что у прекрасного пола вовсе нет такого отращения к истории, которое я нарисовал, при условии, что это *тайная* история и что она содержит какое-то памятное дельце, способное возбудить в нем любопытство. Но поскольку я не нахожу, что истина, лежащая в основе истории, в этих анекдотических рассказах вообще принимается во внимание, то я не признаю это доказательством его страсти к подобным штудиям. Как бы то ни было, я не вижу, почему-то же любопытство не могло бы принять более подобающее направление и побудить их желать описаний лиц, живших в прошлые эпохи, в такой же степени, как и их современников. Какое Клеоре дело до того, есть у Фульвии тайная любовная интрижка с Филандером или нет? Разве не имеет она равную причину умилиться, когда ей сообщают (о чем перешептываются в кругу историков), что у сестры Катона была тайная любовная связь с Цезарем и что сына своего, Марка Брута, она выдала мужу за его собственного, тогда как на самом деле прижила его от своего ухажера? И разве любовные страсти Мессалины или Юлии не столь же подходящая тема для пересудов, как и любая интрижка, случившаяся за последние годы в нашем городе?

Не знаю, с чего это я вдруг ни с того ни с сего принялся подтрунивать над дамами; разве что, быть может, по той же причине, по которой любимец компании часто бывает мишенью добродушных острот и любезностей. Мы получаем удовольствие от обращения к тем, кто нам приятен, и пользуемся в нем некоторыми вольностями, храня уверенность в том, что ничто не будет воспринято превратно человеком, которому гарантированы доброе мнение и сердечное расположение каждого присутствующего. Переходя теперь к более серьезному рассмотрению предложенной темы, я укажу на множество выгод, проистекающих из изучения истории, и покажу, как хорошо оно подходит каждому, но особенно тем, кому ввиду хрупкого телосложения или слабого образования недоступны более тяжелые исследования. Выгоды, находимые в истории, бывают, по-видимому, трех видов, ибо она волнует воображение, обогащает понимание и укрепляет добродетель.

Действительно, что может для ума быть большим удовольствием, чем быть перенесенным в отдаленнейшие эпохи мира и наблюдать человеческое общество в его младенчестве, делающим первые робкие шаги к искусствам и наукам; видеть постепенное утончение политики правительств и учтивости общения, продвижение всего, что служит украшением человеческой жизни, в сторону его совершенства! Замечать рождение, прогресс, упадок и в конце концов исчезновение самых цветущих империй, добродетели, вносившие вклад в их величие, и пороки, повергшие их в руины! Короче говоря, видеть, как весь человеческий род от начала времен шествует, так сказать, перед нами, явленный во всем своем подлинном многоцветии, без тех маскировок, которые вносили путаницу в суждения наблюдателей-современников. Разве возможно представить зрелище более величественное, более разнообразное, более увлекательное? Какое еще раз-

влечение чувства и воображения может с ним сравниться? Разве предпочтем мы те легкомысленные забавы, на которые тратится так много нашего времени, как более удовлетворительные и более достойные занять наше внимание? Сколь извращенным должен быть вкус, способный к настолько неправильному выбору удовольствий!

Но история не только приятное развлечение, это еще и часть знания, наиболее улучшающая человека; многое из того, что мы обычно называем эрудицией и столь высоко ценим, есть попросту знакомство с историческими фактами. Подобные широкие познания свойственны людям пишущим; но, думается мне, было бы непростительным невежеством для лиц любого пола и состояния не быть знакомыми с историей своей страны, как и с историей древней Греции и Рима. Женщина может вести себя благовоспитанно и даже проявлять некоторую живость в остроумии, но если ее ум не оснащен в этом отношении, то невозможно, чтобы беседа с ней могла доставить какую-либо радость мужчинам тонко чувствующим и рассудительным.

Надобно добавить, что история не только сама является ценной частью знания, но и открывает дорогу ко многим другим его частям и доставляет материалы большинству наук. И в самом деле, если принять во внимание недолговечность человеческой жизни и ограниченность нашего знания даже того, что протекает в наше время, то нельзя не заметить, что мы так навсегда и остались бы в своем понимании мира детьми, если бы не это изобретение, расширяющее наш опыт до всех прошлых эпох и до самых дальних народов и заставляющее их вносить столь весомый вклад в совершенствование нашей мудрости, как если бы они действительно предстояли нашему взору. О том, кто сведущ в истории, можно в каком-то отношении сказать, что он живет от начала мира и в каждом столетии находит какие-нибудь добавления к своему запасу знания.

Опыт, приобретаемый через историю, возвышается над тем, что узнают из мирской практики, еще и тем, что знакомит нас с человеческими делами, не умаляя ни в малейшей мере тончайшие чувства добродетели. И, по правде говоря, мне неизвестно другое исследование или занятие, которое было бы столь же безупречно, как история, в этом отношении. Поэты могут рисовать добродетель в самых чарующих красках; но обращаются они исключительно к страстям, а потому часто становятся защитниками порока. Даже философы склонны сбивать себя с толку тонкостями своих спекуляций; и мы видели, что некоторые заходят так далеко, что начинают отрицать реальность всяких моральных различий. Но, думаю, внимания мыслителя заслуживает то, что историки, почти все без исключения, были истинными друзьями добродетели и всегда изображали ее в подобающих ей красках, как бы ни ошибались при этом в оценках отдельных личностей. Даже сам Макиавелли в своей истории Флоренции обнаруживает подлинное чувство добродетели. Когда в общих рассуждениях он говорит как политик, он расценивает отравление, заказное убийство и лжесвидетельство как законные искусства власти; но когда в конкретных повествованиях он заговаривает как историк, он выражает во многих местах столь глубокое возмущение пороком и столь искреннее одобрение добродетели, что я не могу удержаться и не приме-

нить к нему слова Горация: как бы ни изгоняли вы Природу, как бы ни оскорбляли ее, она все равно к вам вернется. И эту расположенность историков к добродетели объяснить нетрудно.

Когда в жизнь и действие вступает деловой человек, он больше склонен оценивать характеры людей постольку, поскольку они связаны с его интересом, а не как они есть сами по себе; и в его суждение в каждом случае вплетается неистовство его страсти. Когда философ созерцает характеры и манеры, сидя у себя в кабинете, общий абстрактный взгляд на вещи оставляет его ум настолько холодным и равнодушным, что природным чувствам попросту негде разыграться, и он едва ли чувствует разницу между пороком и добродетелью. История располагает-ся как раз посередине между этими крайностями и смотрит на объекты в их истинном ракурсе. Те, кто пишет историю, и те, кто ее читает, в достаточной мере интересуются характерами и событиями, чтобы остро чувствовать осуждение или хвалу; и в то же время у них нет никакой особой озабоченности и интереса к тому, чтобы извращать свои суждения.

*Verae voces tum demum pectore ab imo
Eliciuntur.* LUCRET. (см. прим. 2)

Примечания

1. Очерк Д. Юма «Об изучении истории» входит в состав книги «Опыты моральные, политические и литературные» (первое издание, 1741-1742). Об истории переизданий этой книги и изменениях ее состава в разных изданиях см.: Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. с англ. С.И. Церетели и др.; Примеч. И.С. Нарского. 2-е изд., дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. С. 762-763. В переводе на русский язык этот очерк впервые появился во втором издании «Сочинений» Д. Юма в серии «Философское наследие»; перевод был сделан А.Н. Чанышевым (см.: Юм. Д. Указ. соч. С. 707-710). Предлагаемый новый перевод этого очерка призван подчеркнуть некоторые нюансы, не в полной мере заметные в имеющемся переводе.

2. Цитата из поэмы Тита Лукреция Кара «О природе вещей» (книга третья, вступление, ст. 57-58).

«Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает неволью

Истинный голос»

(Пер. с лат. Ф. Петровского. Цит. по изд.: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983. С. 94.)

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 20.01.2022 г. (№ 2464)